

Ко Суэль сел на пол и посмотрел на Ко Хуна, который увлечённо рисовал.

Когда он только привёл Хуна домой, тот не сразу адаптировался к новой обстановке, но мальчик постепенно привыкал, отчего Ко Суэль чувствовал облегчение.

Больше всего его радовало то, что Хун ни на секунду не выпускал из рук купленные им цветные карандаши. Он даже клал их у кровати, когда ложился спать.

«Этот парнишка... и правда мой внук.»

После смерти сына и невестки мир словно рухнул.

Да, у них были разногласия и ссоры, но он любил свою семью.

Когда Ко Суэлю сообщили о несчастном случае, он почувствовал, что лишился всего.

Но затем ему сказали, что его внук жив.

Он решил, что должен жить ради этого ребёнка.

Мужчина не опустил руки, даже когда ему сказали, что мозг его внука перестал функционировать.

Каждый день казался адом.

Богатство. Слава. На что они? Бесполезные вещи, неспособные спасти его единственного внука.

Смысла жить не было.

Вот почему он возблагодарил всех богов, когда его внук чудесным образом вернулся к жизни.

Ко Суэль приблизился к Ко Хуну.

Мальчик так любил рисовать, что разрисовывал несколько страниц в день. Не считая времени на еду и сон, он двигал цветным карандашом, словно выплескивал то, что долгое время подавлялось.

- Хун, что рисуешь?

Нет ничего милее его внука, который высунул язычок и сосредоточенно творил. Заинтересовавшись, что же мальчик рисует, он повернул голову к листу.

- Ещё одна пицца. Пицца настолько вкусная?

Когда он заговорил на корейском, Хун поднял голову и непонимающе посмотрел на него.

- Пицца настолько вкусная?

Когда ему сказали на французском, мальчик кивнул.

Казалось, Ко Хун впервые ел корейскую пиццу. Он долго говорил о пицце на французском.

- Я не знал, что в ней может быть так много мяса. Как они делают сыр таким пикантным, соленоватым и жевательным? А картофель? Как он может быть нежным? Как же его выращивают?

Французский, на котором говорил Ко Хун, уже устарел, поэтому его было трудно понять. Ко Суэль недоумевал, потому что мальчик использовал устаревшие слова, вместо общепринятых.

Дело не в том, что сама фраза была непростая. У Ко Суэля возникало чувство, будто его внук вырос среди пожилых людей. Наверное, так казалось из-за того, что мальчик не знал корейского.

«Они должны были научить его корейскому.»

Когда Ко Суэль слышал речь мальчика, то сомневался, действительно ли ему всего десять, но когда тот говорил по-корейски, то правда походил на ребёнка.

В таком возрасте у мальчика возникало много вопросов, и на многие было трудно ответить.

Внук, которого он видел ещё совсем малышом, и внук, который предстал перед ним после госпитализации, казался обычным, хотя и были некоторые странности.

Но внук, на которого он сейчас смотрел, был другим.

Ах

Ко Суэль поднял рисунок, нарисованный его внуком.

Без лишних слов, использование цветов превосходно.

Вместо того чтобы рисовать края, он выделял объекты с помощью разных цветов и смело опускал ненужные части.

Законченная [Пицца] отражала удивление Хуна, каким оно было.

Напоминает импрессионизм*, зародившийся во Франции в 19 веке.

[П/П: *Импрессионизм – направление в искусстве, основанное на стремление отразить свои впечатления.]

Ко Хун знал, как отразить свои эмоции через объекты, вместо того чтобы выражать их как есть.

Ко Суэль даже представить не мог, что этот ребёнок хотел именно этого. Он думал, что тот просто копирует стиль, который где-то видел. Однако данный рисунок – результат таланта и образования этого ребёнка.

«Как его растили?»

Ко Суэль не понимал, как его сын воспитывал Ко Хуна, что он мог нарисовать подобную картину.

- Малыш Хун.

Ко Хун поднял голову.

- Не хочешь добавить в натюрморт* детали?

[П/П: *изображение неодушевлённых предметов.]

- Зачем?

Ко Суэль на время перестал говорить на корейском.

- Вот здесь всё в кучу. Как насчет того, чтобы выразить всё как есть - в деталях?

- Скучно.

- Скучно?

- Какой смысл в картине, которая выглядит как копия?

«Этот малец...»

Ко Суэль расплылся в улыбке.

Он был горд своим внуком. Такой юный, а уже обладает чётким представлением о том, как рисовать картины. Однако для того, чтобы этот ребёнок стал по-настоящему выдающимся, ещё необходима способность наблюдать и точно выражать свои чувства.

Ко Суэль хотел, чтобы Хун перепробовал как можно больше различных стилей и в процессе создал свой собственный.

- Весело поди рисовать одно и то же раз за разом.

Внук снова погрузился в рисование, словно разговор его не интересовал.

Ко Суэль стал размышлять, как привлечь внимание Хуна.

***

Самая лучшая пицца - картофельная пицца.

Я наелся лишь от одного кусочка. Жалко. Наверное, это потому, что я маленький.

Картофель в ней не твёрдый и не комкуется, как бумага. Стоит только откусить, и он рассыпается и обвивает язык своей теплой мякотью. Ах, язык не в силах устоять.

Майонез - тоже большая проблема.

Вкус у него совсем не тот, что я знал. Как же им пришло в голову добавить майонез поверх пиццы?

Правильно сделанный майонез прекрасно сочетается с сыром.

Нет вкуса лучше этого.

Как же передать его на бумаге?

Я подумал о том, что сделать, и повторил, но удовлетворительного результата по-прежнему нет.

Я ещё плохо знаком с инструментом под названием «цветные карандаши».

Как было бы здорово, будь у меня масляные краски.

Но осваивать этот новый инструмент по-своему приятно: линию можно сделать чётче, отчего работа станет более утончённой.

Наверняка есть ещё много всего, что можно выразить через них.

«Здорово.»

Никаких галлюцинаций.

Я так счастлив. Я могу полностью сосредоточиться на рисунке.

Сколько времени прошло.

Уже проголодался.

Раздался звонок – знак того, что доставили пиццу. Вовремя.

– Это пицца?

– Да. Помой руки.

– Хорошо.

Я пошёл в ванную и помыл руки.

Хорошо держать руки в чистоте, но акцент на этой практике подобен ритуалу перед употреблением роскошной еды – пиццы.

Я умылся и вышел.

Похоже, пицца уже там.

Комната, где находился дедушка, была открыта.

Когда я украдкой заглянул внутрь, там лежала пицца.

- ....

Нет. Присмотревшись, я понял, что это была не пицца.

А картина.

Не будь она частично закрашена, я бы не узнал в ней картину, если бы не присмотрелся.

Предметы на холсте словно вылезают наружу.

Восхитительно.

Какую подготовку нужно пройти, чтобы суметь такое изобразить?

Я знаю лишь двоих, кто способен рисовать так реалистично.

Гюстав Курбе и великий художник Жан-Франсуа Милле.

Но эта картина.

Это незаконченная картина с изображением пиццы точь-в-точь передает её описание. Будь она законченной, я бы поверил, что это настоящая пицца, даже если это не так.

- Малыш Хун, кушать.

Пока я погрузился в свои мысли, я услышал голос дедушки.

Пахло картофельной пиццей, но она отошла на второй план из-за этой картины.

- Куда подевался? Малыш Хун!

Техника передачи отраженного света одной маленькой точкой удивительна, а от способности использовать цвет я потерял дар речи.

Не человеческое умение.

- Вот ведь мелкий, если тебя зовут, то нужно хотя бы ответить.

Я повернул голову.

- Это дедушка нарисовал?

Он лукаво улыбнулся.

- Верно. Твой дедушка это нарисовал. Здорово, скажи же?

- ...Да.

Рисовать вещи такими, какие они есть.

Я рисовал вплоть до самой смерти, но намерений изображать мир, как он есть, у меня не было.

Когда изобрели фотокамеру, я думал, это ничего не значило.

Суть, независящая от формы, – вот, что я считал самым главным и важным. Даже сейчас моё мнение не изменилось. Эта богоподобная техника само по себе искусство.

Удивительно, что дедушка, которому на вид 50 лет, может сохранять такую концентрацию и работать с деталями.

- Наш Хун ещё молод. Ему пока не дано рисовать, как дедушка.

Пока я любовался картиной, дедушка сказал то, что задело мою гордость.

- Пока Малыш Хун рисует цветными карандашами, дедушка будет рисовать вот так.

Я уже как лет 10 художник.

Был ли я когда-нибудь так обижен, как сейчас?

- Я тоже могу.

- Правда? А я вот не думаю~

Пусть сейчас я и в юном теле. Небрежный тон, с которым ко мне обращаются как будто имеют дело с ребёнком, звучит ужасно оскорбительно.

- Я могу.

- Ладно-ладно. Дедушка верит нашему Хуну. Давай для начала поедим.

Я могу это сделать. Наверное. Если постараюсь рисовать более утонченно.

Однако.

Ясное дело, у меня нет таких навыков.

***

Ко Суэль был рад видеть большой энтузиазм внука.

Это было величайшее счастье, которое он обрёл в свои шестьдесят четыре года.

После пробуждения Ко Хун своим поведением вызывал лишь сочувствие, но в последние дни, мальчик, казалось, стал совершенно другим человеком.

В особенности, когда дело касалось живописи, он проявлял невиданную страсть.

Не иначе как одержимостью это не назовёшь.

Ко Суэль, как и его сын Ко Хэ, могли гордиться им в этом отношении.

Мальчик был упрям, когда дело касалось живописи, поэтому если ему казалось, что чего-то недостает, он не мог с этим мириться. Он работал снова и снова, пока не был удовлетворен.

Ко Суэль вспомнил, что при воспитании сына такой подход был эффективен: когда он сам проявлял желание, а не ему говорили, что делать.

То же самое Ко Суэль хотел провернуть и с внуком.

Яблоко от яблони недалеко падает.

Хун долго смотрел на пиццу, но так и не притронулся ей, хотя она лежала прямо перед ним.

«Похоже, он собирается нарисовать её.»

Мальчик напоминал и его самого, и его сына.

То же не мог жить без рисования.

Это его последний год в качестве декана университета.

Ко Суэль, который собирался уйти на пенсию, размышлял о том, что сделать для своего внука.

Показать ему как можно больше.

Позволить совершенствоваться.

Он также хотел создать условия, в которых Хун мог бы полностью раскрыть свои способности.

Мальчик был достаточно одарен.

Ко Хун обладал качествами великого художника. Его навыки рисования великолепны, но неутолимая жажда к живописи – его самый большой талант.

«...Наверное, в Европе будет лучше, чем здесь.»

Он беспокоился, что из-за плохих знаний корейского языка Хун не сможет хорошо адаптироваться в школах Кореи. С другой стороны, он свободно говорил на французском и спокойно мог учиться в Европе.

«Сейчас главное здоровье, об остальном подумаем позже.»

- Малыш Хун.

Когда этот ребёнок сосредоточен на чем-то, то никогда не ответит, пока несколько раз не позовёшь.

- Малыш Хун.

Хун повернул голову.

- Пойдёшь завтра смотреть на картины с дедушкой?

- В музей?

- Ага.

Он быстро кивает.

- Замечательно. Если правильно напишешь под диктовку 80 корейских слов, мы можем пойти.

Когда условие было предъявлено, Хун на секунду задумался, а затем спросил.

- На корейском?

- Да. Я дам тебе книгу для изучения.

- ...Ладно.

- Слушайся дедушку, хорошо питайся, и когда окрепнешь, я отвезу тебя в Европу.

Глаза Хуна расширились.

- В Лувр?

- Ага. Лувр, Ватикан, Национальная Галерея, Орсе. Мы можем посетить их все. Музей твоего любимого Пикассо или даже Музей Ван Гога.

Внук, который слушал с горящими глазами, вдруг замер.

- Ван Гога?

- Да. Винсент Ван Гог.

Хун нахмурился и наклонил голову.

<http://tl.rulate.ru/book/67083/2949556>